

СИНЯВСКАЯ ЛАНА

**НЕВЕСТА
С БЕСОВСКОГО МЕСТА**

*Синявская Лана - участница телевизионного проекта
"Битва экстрасенсов"*

Лана Синявская

Невеста с Бесовского места

«Автор»

Синявская Л.

Невеста с Бесовского места / Л. Синявская — «Автор»,

Как выйти замуж за олигарха? Особенно, если в тебе почти центнер живого веса и молодость давно позади? Катя давно махнула на себя рукой и в богатый дом нанялась лишь для того, чтобы свести концы с концами. И что из этого вышло? Да ничего хорошего: все гости на свадьбе хозяина отравлены, а жених и вовсе мертв. Но никто не мог подсыпать яд в коктейли! Уж это-то повариха Катя знает точно. Чтобы не попасть в число подозреваемых, она пытается найти виновного в таинственном убийстве, попутно натываясь на новые трупы и скелеты в шкафу. Она и рада бы остановиться, но мистический противник дышит ей в затылок. Разгадка или смерть – такова ставка в этой игре.

© Синявская Л.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лана Синявская

Невеста с бесовского места

Глава 1

На крыльце кто-то был.

Я чуть не вздрогнула от удивления; секундой раньше я готова была поклясться, что ступеньки пусты, а теперь различила темную фигуру, скорчившуюся на лестнице. Чертов ноябрь, чертовы сумерки. Я ругалась скорее от испуга, чем по-настоящему. Пришлось остановиться, чтобы подумать, как поступить. Связываться с бомжом не хотелось. А кто еще устроит спальню прямо на улице? Нормальные люди спят дома, в своих теплых кроватках. Ишь, расслабился! Другого места не нашлось, что ли?

Я кривила душой. Не слишком-то уютно спать на мокрых ступеньках. Капли дождя барабанили по тротуару, по лестнице, по сгорбленной спине незваного гостя. Я озабоченно взглянула на подсвеченную витрину магазина. Слава богу, все цело – от этих бродяг всего можно ожидать. Теплый свет за стеклом как будто придал мне смелости. Глубокий вздох, и вот я уже решительно подошла к незнакомцу вплотную. Теперь я смогла его рассмотреть. Точнее – ее, это была девочка. Она крепко спала, неловко привалившись к перилам, сунув руки под мышки и уткнув голову в колени. Вся моя злость улетучилась, в душе шевельнулась жалость. Протянутая мной рука замерла в воздухе.

Человек более мудрый на моем месте наверняка заподозрил бы неладное, но я особой мудростью не отличаюсь. В данный момент единственное, что меня волновало, это то, что ребенок простудится на холодных ступенях. Девочка была одета явно не по сезону и вообще как-то странно: в длинную зеленую бархатную юбку и накидку с капюшоном из того же материала. Впрочем, как раз это меня не удивило. Сегодня первое ноября, так что вчера народ бурно отпраздновал Хэллоуин. Традиция у нас теперь такая, сами знаете.

Появление девочки уже не казалось мне таким удивительным. Наш магазин расположен на центральной улице и вот уже лет пять, как мы имеем удовольствие наблюдать тридцать первого октября демонстрацию чертей всех мастей. В такой кутерьме ребенок вполне мог потеряться.

– Эй, просыпайся, – негромко, чтобы не напугать малышку, позвала я.

Ребенок даже не шевельнулся. Я чуть повысила голос:

– Просыпайся, слышишь?

Тот же результат. Да что такое?!

Я протянула руку, легонько потрепала девочку за плечо и взвизгнула. Маленькое тельце опрокинулось на спину и замерло на ступеньках, раскинув ручки. Широко раскрытые глаза неподвижно уставились в серое небо.

Чтобы не заорать во весь голос, я торопливо зажала рот рукой, тарашась на свою находку. Это была кукла!

Большая, ростом с шестилетнего ребенка, искусно сделанная и явно старинная. На секунду профессионал во мне взял верх над трусостью, и я машинально отметила, что уже видела нечто подобное: конец девятнадцатого века, похоже, что Франция.

Шум дождя усиливался. На густых волосах куклы заблестели водяные капли. Боже мой, пропадет шедевр! Как-никак, «девушка» уже в возрасте, лет полтора будет, и вода ей строго противопоказана. Такие экземпляры обычно хранят в витринах со специально регулируемой температурой и влажностью.

Не задумываясь, я подхватила куклу и торопливо взбежала по ступенькам. Притоптывая от нетерпения ногой, я шарила в сумке свободной рукой в поисках ключа. Кукла оказалась неожиданно тяжелой, наверное, из-за намокшей под дождем бархатной амуниции. От шедевра несолидно воняло мокрой псиной. Кряхтя и перехватывая куклу поудобнее, я, наконец, отперла дверь и боком протиснулась внутрь.

В магазине было темно, воздух казался затхлым, чувствовалась атмосфера минувших веков. Ничего удивительного. Мало того, что дом построен лет этак двести назад, так еще и торгуем мы антиквариатом.

– Повезло тебе, малютка, ты попала по адресу, – пробормотала я, укладывая куклу на прилавок – довольно плохую подделку под восемнадцатый век. Впрочем, это была единственная подделка в нашем заведении. Мой хозяин, Антон Чвокин, строго следил за установлением подлинности своего товара. Берег репутацию.

Торговали мы в основном мебелью, немного серебряной посуды, фарфора, старинные зеркала. Куклы тоже были, не самые редкие, в основном, начало двадцатого века. Но несколько раз попадались и стоящие экземпляры, но их Антон, как правило, оставлял себе. Мне пришлось проштудировать гору специальной литературы, чтобы научиться разбираться во всех тонкостях антиквариата. Куклы занимали особое место – Антон их коллекционировал, а поскольку он был моим хозяином, мне, чтобы ему понравиться, понадобилось стать докой в этом вопросе. Хотя не могу сказать, что наука пришлась мне не по душе. Старинные куклы мне нравились.

До открытия магазина оставался еще час, и я намеревалась потратить его с пользой: рассмотреть свою неожиданную находку самым внимательным образом.

Кукла лежала на прилавке там, где я ее оставила, в неуклюжей позе, безвольно раскинув конечности. Сейчас она уже не казалась живой. Бархатная накидка сбилась на сторону, под ней обнаружилось кремовое платье с пышной юбкой из какого-то блестящего материала, напоминающего атлас. Тонкую шейку обвивало необычное ожерелье из фарфоровых розочек, подвешенных на серебряную цепочку. Кукла была довольно крупной, около восьмидесяти сантиметров, что для старинных образцов большая редкость. Их рост редко достигал полуметра.

Мне показалось, что я определила имя кукольника – конечно же, Жюмо! Это легкоузнаваемое фарфоровое личико, задумчивый взгляд огромных глаз с длинными ресницами, ангельское выражение и робкая улыбка. Творчество Эмиля Жюмо я когда-то хорошо изучила, но вблизи его творение видела впервые и теперь испытывала смешанные чувства. Нет сомнения, кукла выглядела прекрасно, несмотря на изрядно подмоченную одежду, это был редкий, безумно дорогой экземпляр – шедевр любой коллекции, но она мне... не нравилась. Меня не покидало ощущение, что невинное личико – всего лишь маска. Кукла будила во мне какие-то воспоминания, затаенный страх, давно забытый, но сейчас вдруг напомнивший о себе. И еще – чувство вины. Смешно, да? Но мне было совсем не до смеха. Что-то вроде неприятного предчувствия: ничего конкретного, но тело ни с того ни с сего покрылось гусиной кожей.

В зале царил полумрак – я забыла включить верхний свет – ноябрьское небо хмурилось. Наверное, из-за сумерек мне все время казалось, что кукла за мной подглядывает. Разумеется, это все плод моей фантазии, – убеждала я себя, но странное ощущение не проходило.

Чтобы отвлечься от глупых мыслей, я решила продолжить осмотр. Для начала прошупала тело куклы. Оно оказалось мягким, по моде того времени. Я задрала кружевной рукавчик, чтобы получше рассмотреть деревянную часть рук. Потом аккуратно расстегнула жемчужные пуговички на груди, просунула под одежду пальцы, слегка надавила. Так и есть – тело сшито из лайки. Среди коллекционеров этот материал особенно ценится. Конечно, кукла нуждается в реставрации. Краски поблекли, деревянные ручки и ножки будто ссадинами покрыты царапинами, волосы местами сваялись и сбились в колтуны. На кукольном личике еще не просохли капли дождя, и потому казалось, что кукла плачет.

Я осторожно стала высвобождать руку и вскрикнула от неожиданности, ощутив острую боль. «Ишь, какая недотрога!» – сердито подумала я, в недоумении глядя на капельку крови, выступившую на указательном пальце. Надо же, какая досада! Похоже, кукольный мастер забыл в теле коварной красавицы булавку, о которую я поранилась. Надеюсь, на старой железке не гнездятся какие-нибудь зловередные микробы.

Желание рассматривать куклу совершенно пропало. Держа палец во рту, чтобы остановить кровь, я хмуро уставилась в витрину. Меня посетила неожиданная мысль, которая мне не очень понравилась. Чья кукла? И как она попала к нам на крыльцо? Антон, конечно, вцепится в находку и ни за что на свете не захочет с ней расстаться. Мне это в плюс. Антон умеет быть благодарным, а значит, я временно могу не беспокоиться насчет того, что Чвокин уволит меня под горячую руку – в последнее время он все чаще начинал ныть по поводу трагического влияния финансового кризиса на объемы продаж. Но у такой дорогой вещи обязательно должен быть хозяин. Что, если он придет и потребует вернуть свою собственность? Антон озверевает и тогда достанется мне на орехи.

Я покосилась на куклу, раздумывая, не отнести ли ее туда, где я ее нашла, от греха подальше.

Дз-зынь! – звякнул колокольчик над входной дверью, и дверь тут же распахнулась так широко, что задела витрину. В ранних ноябрьских сумерках на пороге обозначилась высокая женская фигура. Кто-то вломился в магазин. В спешке я забыла запереть дверь. На секунду у меня мелькнула трусливая мыслишка, что явился настоящий хозяин куклы, смешанная с облегчением. Я все-таки отдавала себе отчет, что подобными раритетами не разбрасываются. И если хозяин обнаружился, лучше вернуть куклу до того, как Антон потеряет из-за нее голову.

Вытянув шею, я попыталась разглядеть вошедшую.

Долговязая девица оправдала мои самые худшие ожидания. Ее появление не вызвало у меня восторга. Сейчас объясню почему. То, что за последние годы барышни вокруг сделали выше на двадцать сантиметров, я еще принимаю. Мне, например, в последние три-четыре года при разговоре стоя с подрастающим поколением себе подобных приходится либо задирать голову, либо созерцать едва намечающиеся бюсты вместо глаз. Хотя пусть это волнует нынешних мужчин, меня это не касается. Моя девица – худосочная, вертлявая и нахальная, – походила на помесь матроса с кандальником: облезлая меховая куртка до пупа, драные джинсы на бедрах. Посередине – это обязательно! – голое пузо, слегка посиневшее от холода. Из кровотока торчит висюлька в виде атакующей гадюки. Видать, девчонка обзавелась модной фишкой совсем недавно. На голове моей ранней посетительницы красовались дреды. Если кто не знает, что это такое, я объясню. Это когда волосы сваливают в колтуны-колбаски, а сверху заливают воском. Намертво. Этот воск ты можешь задумчиво отколупывать со своей головы пару недель за вечерними беседами. Избавиться от этой роскоши можно единственным способом: сбрить все на фиг. Что, кстати, тоже очень креативно.

Описывать лицо девчонки – неблагоприятное занятие. То, как она выглядит на самом деле, должно быть, помнит только ее мама (если она у нее есть). Я бы свою дочь прибила за подобную живопись, а потом бы с горя повесилась. Вкратце это зрелище походило на боевую раскраску индейцев племени мумба-юмба в период активных боевых действий. На юной мордочке одновременно присутствовали все цвета радуги.

Девушка явно ошиблась дверью. Следовало выставить ее как можно быстрее, пока не явился Антон и не навтыкал мне по первое число за оставленную незапертой входную дверь. В то, что он примет девицу за раннюю клиентку, мне как-то не верилось.

– Девушка, мы закрыты! – бодро доложила я.

– А мне по фигу.

Хорошее начало разговора. Но я решила не сдаваться.

– Чем я могу вам помочь? – Вежливый тон давался мне с трудом.

– Не парься. Я так, посмотреть.

В подтверждение своих слов девчонка сделала круг по залу, нарочито лениво разглядывая витрины. Меня она будто не замечала, впрочем, бросила в самом начале один презрительный взгляд. Больше я ее не интересовала.

Я растерялась. Ясное дело, что по собственной воле девица не уйдет. Судя по ее виду, такая и стащить что-нибудь может. А если ее увидит Антон – пиши пропало. Месяц потом поминать будет. Еще хуже, если заявится кто-нибудь из постоянных клиентов: репутации магазина, над которой так трясется Антон, будет нанесен серьезный урон. Но не драться же мне с ней? Оставалась последняя надежда: девчонка быстро заскучает и исчезнет сама по себе, до того, как придет Чвокин.

Тем временем девица обошла весь салон и приблизилась к прилавку, за которым стояла я. В глазах ее просвечивала ничем не прикрытая тоска. Она взглянула на куклу, которая по-прежнему лежала передо мной и скривилась:

– Фу, какая уродина. Вы их по помойкам, что ли, собираете?

Во мне вскипело справедливое возмущение, но ответить я не успела. Колокольчик на двери снова звякнул. В магазин торопливо вошел Антон.

Все. Мне конец, – подумала я обреченно.

Однако, Антон повел себя странно. Заметив девчонку, по-прежнему топтавшуюся перед прилавком – не заметить такую оглоблю в нашем маленьком магазине было бы проблематично, – он расцвел и ринулся ей навстречу. Хозяин взял хороший старт, но где-то посередине вдруг замер, будто бы натолкнувшись на невидимую стену. Я с опозданием поняла, что Антон наконец-то заметил и меня, хотя мое присутствие в его магазине вроде бы само собой подразумевалось. Внутри зашевелилось нехорошее предчувствие.

Мы с Чвокиным были ровесниками, но, в отличие от меня, он был не очень высок и болезненно худ. Даже прекрасно сшитые костюмы не могли скрыть его худобу, и я иногда на досуге гадала: что он делает вместо того, чтобы есть? Его пегие волосы выглядели безжизненными и вполне соответствовали белой как мел физиономии. Глаза напоминали выжженные в бумаге дырки, а губы – узкое лезвие ножа. Крупными в его лице были только зубы, что выглядело еще более отталкивающе, особенно, когда он улыбался. Впрочем, делал он это крайне редко.

В данный момент на пергаментных щеках рдели два ярких пятна. За год я впервые видела его румянец. Должно быть, мой шеф усилием воли пригнал к лицу все имеющиеся запасы крови, чтобы вызвать подобную реакцию на своем лице.

– О, Пшеничкина! Ты уже здесь? – ненатурально удивился он.

Интересно, а где мне находиться за пять минут до открытия магазина? Однако, я предпочла промолчать, ожидая дальнейшего развития событий. Антон наконец-то осмелился взглянуть на нашу посетительницу, губы его скривились. Не то он хотел улыбнуться, не то собирался заплакать, я так и не поняла. Девица смотрела на него без интереса, но и агрессии не выказывала. Похоже, эти двое знакомы, вот только...

– Кариночка, вы уже познакомились с Катюшей?

Вот черт, хозяин назвал меня Катюшей, – второй раз за год, который я его знаю, – а мне почему-то кажется, что он кроет меня матом.

Девица неопределенно передернула плечами в ответ на его вопрос и уставилась в окно. Я несколько раз сморгнула, но тоже ничего не ответила, не зная, считаются ли мои безуспешные попытки спровадить ее из салона поводом для знакомства. Антон почувствовал, что ему придется выкручиваться самостоятельно, и совсем было скис, но, взглянув на Карину, взял себя руки.

– Вот что, Пшеничкина, – торжественно начал он, – я должен... то есть, я вынужден вам что-то сказать.

– Слушаю вас, – выдавила я, улыбаясь из последних сил и неудержимо краснея.

– Дело в том, что я... что для увеличения продаж... то есть, вы понимаете, вопрос престижа... свежая струя. Ничего личного... законы капитализма суровы...

– Вы меня увольняете? – перевела я на нормальный язык его лепет.

Антон шумно выдохнул и посмотрел на меня с благодарностью:

– Да!

– И с какого числа? – Я старалась дышать неглубоко, чтобы не разреветься. Должно быть, мой голос звучал странно, так как девчонка внимательно и остро посмотрела на мое лицо. Может быть, впервые за все это время. Мне показалось, что в ее глазах мелькнуло даже что-то вроде жалости. Наверное, просто показалось.

– С сегодняшнего, – торопливо ответил Антон. – То есть, я был бы вам очень благодарен, если бы вы прямо сейчас со всем закончили. – Он немного замялся, сморщился и добавил: – Разумеется, я все компенсирую. Зарплата, выходное пособие... что там еще?.. характеристика...

– Как-нибудь обойдусь без характеристики, – пробормотала я, начиная понимать, что это не розыгрыш. Меня только что уволили. И причина, скорее всего, стоит тут же и со скучающим видом глазет в окно. Это было невероятно, но это было.

Выбираясь из-за прилавка с глупой улыбкой на лице, я задела рукой куклу. В душе у меня затеплилась надежда.

– Антон, я тут обнаружила...

Он послушно посмотрел туда, куда я указывала, но, кажется, даже не понял, что перед ним.

– Хорошо, хорошо, оставь. Я потом посмотрю, – сказал он таким тоном, словно речь шла о прошлогодних рекламных проспектах.

Это был конец. Работа, которую я искала почти год, которой я дорожила больше всего на свете, для меня закончилась. Мне даже не захотели объяснить, в чем именно я провинилась. Меня просто вышвырнули вон.

Стараясь ни на кого не смотреть, я сгрэбла свои вещи в охапку и пошла к выходу.

– Пойдите, Пшеничкина! – окликнул меня Антон, когда я уже вышла на крыльцо и спустилась по скользким от дождя ступенькам.

Услышав его быстрые шаги за спиной, я воспряла духом, почти поверила в чудо! Ну конечно это был розыгрыш! Я обернулась, ожидая увидеть его смеющееся лицо. Но он не смотрел на меня. Вместо этого мой бывший начальник суетливо шарил по карманам, потом настойчиво стал пихать что-то мне в руку. Мое пальто, которое я так и не надела, ему мешало, и он сквозь зубы тихо матерился.

Наконец, он ушел. Я продолжала стоять на ступеньках. Хлопнула дверь за моей спиной. Я оглянулась, чтобы взглянуть на витрину магазина, где провела последний год и где была почти что счастлива. Последнее, что я увидела, были глаза куклы, устремленные прямо на меня. Она все еще лежала на прилавке. Ее голова была повернута к стеклу. Казалось, что она наблюдает за мной с любопытством.

Я крепко зажмурилась и торопливо перевела взгляд на свою руку, все еще сжатую в кулак руку, из которой во все стороны торчали скомканные купюры – мое выходное пособие. Довольно щедрое, судя по всему. Хотя кто знает, сколько стоит человеческая преданность?

Но даже тогда я не заплакала. Моего запала хватило до дома. И даже еще немного. Слезы хлынули из глаз только в душе. Они полились одновременно с тугой горячей струей, которая хлестнула меня по плечам.

Глава 2

– Ты паршиво выглядишь! Мешки под глазами, руки дрожат. Про прическу я вообще молчу – ужас! – жестко сказала мне подруга Алла. Знакомы мы с ней уже лет двадцать, и Алка считает, что можно не стесняться в выражениях. Я и сама понимала, что нахожусь на грани срыва. С момента моего увольнения из антикварного магазина прошло уже две недели, а я так и не пришла в себя.

Никаких «соплей» Алка не признавала. Сама она, получив образование экономиста, устроилась на работу в крупную американскую компанию финансовым менеджером, вышла замуж за своего босса и на данный момент воспитывала дома двух сыновей-погодков. У меня жизнь сложилась не так гладко. Детство было прекрасное, с любящими родителями, достатком и морем игрушек, вот только закончилось оно слишком быстро.

Я училась в третьем классе, когда отец неожиданно скончался от инфаркта. Мама пережила его всего на полгода. Я попала под опеку к какой-то дальней родственнице, которая умудрилась за пару лет распродать все наше имущество, кроме квартиры, а потом исчезнуть без следа, сдав меня в приют.

Квартира очень пригодилась, когда я вскоре после школы вышла замуж. Вышла, кстати, по большой любви. Муж умел делать деньги, так что лет пять я жила как у Христа за пазухой. Однако, вместе с большими деньгами, как это водится, на горизонте появилась юная нимфа. Этот момент я, каюсь, прохлопала. Какое-то время муж крепился, но нимфа поднажала, и он объявил мне, что встретил большую любовь, то есть нам надо расстаться.

Детей нам бог не послал, и крыть мне было нечем. Да и не стала бы я использовать ребенка для шантажа.

На мои робкие предложения спасти семью муж доступно разъяснил, что я:

- а) старая;
- б) толстая;
- в) надоела ему до зубовного скрежета.

Претензии были несколько преувеличены, но переубедить мужа мне не удалось. «Большая любовь» праздновала победу.

Нимфа оказалась жадной, но умной. Уж не знаю, как ей удалось все повернуть, только в недобрый для меня час, где-то месяц спустя после развода, явился муж и, пряча глаза, сообщил, что купил мне жилье. То есть мне надлежит выселяться из квартиры. Та, которая досталась мне от родителей, давно была продана, еще в тот момент, когда муж начинал свой бизнес – требовался стартовый капитал, – а новая принадлежала моему мужу. Он проявил благородство, лично собрал и перевез мои вещи на теперешнее место жительства, которое на деле оказалось однокомнатной малогабаритной конурой на первом этаже панельной хрущобы, на самой окраине города. Как только я переступила порог своего нового дома, муж немедленно отобрал у меня ключи от прежнего жилья и поспешно отбыл, пряча глаза.

Стоит ли говорить, что в привезенных тюках не оказалось ни одной мало-мальски ценной вещи? Мои драгоценности унаследовала нимфа. Она оказалась небрезгливой, и к ее трофеям добавились две шубы – норка и песец.

От переживаний я здорово похудела, но сами понимаете, муж ко мне не вернулся.

Одна радость – не задержалась и нимфа. Через год она наставила муженьку рога и сбегала с шофером. Но это случилось позже. А сразу после переезда я... собралась умирать. А что прикажете делать? Представляя, как мой дорогой супруг потешается надо мной в объятиях молодой и красивой нахалки, я автоматически начинала рыдать. Но даже в таком состоянии, организму требуется пища. А купить ее было не на что. Муж выделил мне единовременное пособие, но две трети от него ушло на китайский пуховик, так как на дворе стояла зима, а

шубы, как я уже говорила, сменили хозяйку. Поскольку я все же не умерла, то оставшаяся треть быстро закончилась.

Потом наступил голод.

Требовалось немедленно найти работу.

Стоит ли говорить, что поиски затянулись? Устроиться по специальности я даже не мечтала. В кармане у меня лежал университетский диплом, но, скажите мне, кому сейчас нужны историки? В мои слегка за тридцать я могла рассчитывать только на место, где требовалась неквалифицированная рабочая сила. Проще говоря, продавцы всех мастей. Но и тут меня никто не ждал с распростертыми объятиями. Я исправно посещала собеседования, но на выходе имела лишь два результата: либо меня отвергали сразу, едва взглянув на мой полновесный пятидесятиый размер, либо предлагали зарплату, живя на которую можно было заработать на сорок второй.

Хорошо, что я от природы не комплекую на себе. У меня никогда не было осиной талии, а 90-60-90 получались только в сумме. Мой родитель мне в детстве говорил, что сердца я могу завоевать только делом, а не тем, как я выгляжу. Цитирую: «ты, мол, и сейчас не красавица, а когда вырастешь, еще хуже станешь», конец цитаты. Очень у меня родитель душевный был. Умел словом обогреть. Но польза от всего этого есть, как ни странно. Мне иногда, как всем теткам, хочется задом повилить, пококлетничать, но, как правило, мое общение с противоположным полом строилось на другом, в смысле, собственно на общении, то есть на разговорах.

Мой вес упорно колебался около отметки семьдесят плюс-минус пять, но я называла себя исключительно блондинкой во всей полноте жизни. Учитывая то, что цвет моих волос в лучшем случае темно-русый, нетрудно понять, почему подавляющее большинство моих знакомых снисходительно улыбались в ответ на подобное утверждение, и считали меня неисправимой оптимисткой.

В этот раз мне повезло: к Чвокину я попала по знакомству. В игре «в дурака» с Судьбой мне, наконец, выпал маленький козырь. Антону было наплевать на мой вес, а его солидным клиентам это даже нравилось. По их мнению, я выглядела презентабельно, как какой-нибудь антикварный комод.

И вот теперь все закончилось...

– Ты че, мать, сдурела? – донесся Алкин крик со стороны моего совмещенного санузла. Я как будто очнулась и рванула на зов. Алка стояла перед стеклянной подзеркальной полочкой, уперев руки в боки, и негодовала. – Обросла банками, как пень опятами, – возмущалась подруга. – И, главное, все какая-то гадость! Где ты ее только берешь?

– И ничего и не гадость! – Обиделась я. – Очень полезная вещь! Старость – дело стремное. Туда еще добровольно никто не сдавался. А эти кремы борются со старением.

– Мда? – Алла скептически взглянула на меня. – И где эффект? – Она отвинтила крышечку, нюхнула и скривилась. – Ты бы еще скипидаром морду намазала.

– Моя физиономия и мне ее носить. Что хочу, то и мажу. – Я заупрямилась. – Мне морщины не идут!

– Ну и мажь, старая вешалка! Только потом мне не жалуйся, что тебя надули.

– Кому ж мне жаловаться, как не тебе? И я не вешалка. Мне всего тридцать!

Алла ехидно прищурилась:

– В каком году?

– А в каком бы ни было! – азартно парировала я. – Пока полтинник не стукнет, будет тридцать каждый год! У тебя с этим проблемы? У меня были, но больше их нет. Мне даже нравится жить «по ту сторону»!

На самом деле я лгала. Трудно было не заметить среди замужних подруг-ровесниц признаки паники: одна переделала нос, другая – попу, третья увеличила грудь, ну а четвертая надула губы, не в переносном, а в самом буквальном смысле слова – парафином.

Со мной тоже происходили перемены: сегодня все буквально моложе меня, девочкой меня теперь называют исключительно пятидесятилетние, потому что ровесники поголовно ухаживают за старшекласницами.

Алка вдруг как-то сморщилась, быстро подошла ко мне и крепко обняла. Сначала я ничего не поняла, растерялась, растеряв весь боевой задор, а потом разревелась.

Потом мы запивали слезы крепким чаем. К Алке вернулась ее всегдашняя предприимчивость.

– Значит так! – объявила она. – Что мы имеем? Вся страна торгует поголовно. Нужны продавцы. Желательно – вчерашние школьницы. Школу ты закончила не вчера, и даже не позавчера. Полнота тоже не добавляет тебе шансов. С первым мы ничего поделывать не можем. А вот со вторым нужно бороться.

– Да бесполезно все, – отмахнулась я. – Диеты не помогают.

– И не помогут! Нужно зайти с другой стороны.

– С какой? – Я всерьез испугалась.

– Добавим физической нагрузки. Спорт – это сейчас модно! У тебя гантели есть?

– Ну... да, – не слишком уверенно призналась я и смущенно призналась: – Я ими балконную дверь подпираю.

– Вот и отлично! Бери, дорогая попу в руки и бегом в фитнес-центр.

* * *

Так я оказалась в спортклубе.

Аллочка, широкая душа, оплатила мне месячный абонемент в группу для начинающих и лично отвезла на первое занятие.

Ничто не предвещало беды. Ритмичная музыка, табунок тетенок разной комплекции, степ-платформы в центре зала, похожие на гробики. Пока отсутствовал тренер, я решила продемонстрировать собравшимся клушам класс. Я тщательно подготовилась, проштудировала парочку Алкиных дамских журналов – раздел «фитнес» – то есть, была в курсе, что перед тренировкой нужно размяться, а потому принялась прыгать на месте, энергично размахивать руками и дрыгать ножкой. Тетеньки глазели на меня уважительно.

Когда появилась тренерша, я уже почти выдохлась, а маленькая накачанная женщина бодро объявила:

– Начали! Кому будет тяжело – передохните!

И началось...

Пять минут – полет нормальный. Оказывается, скакать под музыку – это здорово! И чего я раньше не пришла?

Десять минут. Двадцать теток слева и справа машут ногами и долбят в платформу с упорством универсальных солдат. В ушах уже звенит:

– Мах! Степ! Захлест! Активнее! Еще раз! Не снижаем темпа!

Пятнадцать минут... Я сейчас лопну с брызгами и запачкаю вам спортзал. Или у меня нога на очередном замахе оторвется.

Через двадцать минут велели взять коврики. Слава богу! Хоть полежу. Пресс качать? Да пожалуйста. Главное – чтобы лежа. А то у меня уже физиономия цвета российского флага: местами синяя, местами – красная. Плюс пара белых пятен.

Двадцать две минуты. Верните степ-платформы: я хочу умереть стоя, а не в позе рака-эпилептика!!! Ну не могу я закинуть ноги за голову силой мышц пресса. У меня там нет мышц!!! У меня там завтрак!

– Не халявим! Работаем!

Тихо ненавидя инструкторшу, сползаю на пол. В зеркале передо мной отражаются разноцветные и разнокалиберные попы. Зато физиономии все одного колера – малинового. Выражение лиц соответствующее: антицеллюлитный джихад какой-то.

Новая команда. Простите, но я не могу в такую позу свернуться, у меня ноги растут в противоположном направлении. И так я тоже не могу сделать. В конце концов, это неприлично! Появилось желание отщипнуть кусочек от тренерши и сдать на экспертизу – вдруг это внучатая племянница Терминатора? – ну не может нормальный человек в такие узлы завязываться!

Через полчаса мое тело притворяется дрожащей тряпочкой и отказывается принимать любые положения кроме лежачего.

– Так, девочки, отжимаемся! – не унималась тренерша– терминатор. – Кто коснется грудь платформы – у того грудь красивая!

Я коснулась, но так и осталась лежать. Интересно, это считается или нет?

От усталости я потеряла бдительность, и эта фашистка подкралась ко мне незамеченной. АААА! Я так не сложусь! Я сделана из цельного куска дерева. Стойте, не уходите! Разложите меня обратно немедленно! Нет, сама я не распрямлюсь!

Кто-то добрый собрал меня в кучку и откатил к стенке. Занятие закончилось без меня. Нас ждут через два дня...

– Але, Алла? Приезжай и забери мои останки! – простонала я, кое-как доковыляв до раздевалки.

Если бы я знала, что будет со мной на следующее утро. Оказывается, вчера мне было хорошо! Безболезненно я могла шевелить только глазами. Оооо! Люди, запомните меня молодой и красивой: сейчас я буду вставать и умру в процессе одевания трусов...

Через день я снова лежала на диване с книжкой и бутербродами, раз и навсегда распрощавшаяся со стройностью. Приняв решение не худеть и спокойно стареть, я чувствовала себя Джордано Бруно, но только счастливым Джордано Бруно. Стало вдруг очевидно, что тоска по молодости – это всего лишь тоска по свежести чувств, но вернуть ее с помощью косметики невозможно. Нельзя в пятьдесят лет любить, как в двадцать. А вечная молодость исключает возможность иметь прошлое. Вечная молодость не предполагает воспоминаний. Вы только представьте себе: вместо того, чтобы на пару с мужем добродушно посмеиваться над испепеляющими страстями младшей дочери и вспоминать при этом собственные ошибки молодости; вместо того, чтобы читать внуку книжку перед сном; вместо того, чтобы учить невестку выводить с одежды ягодные пятна, – вместо всех этих радостей, составляющих обаяние зрелости, вы должны с утра до ночи натирать свое тело всевозможными мазями и кремами только ради того, чтобы какой-нибудь знойный болван умолял вас ему отдаться. Фу!

Все это хорошо, но пока в моем распоряжении не было не только внуков, но и мужа. Бутерброды кончились через неделю. Больше того, целый месяц я обивала пороги агентств по трудоустройству, но удача мне так и не улыбнулась. Никто не хотел брать меня на работу. То ли кризис виноват, то ли моя стойкая нелюбовь к физкультуре, то ли паспортные данные, выдающие мой возраст с головой. В какой-то момент я устала бороться с обстоятельствами, но желудок требовал положенную ему порцию еды. И я потащила на рынок.

Ходить на рынок без денег удовольствие, скажу я вам, то еще. Особенно, в канун Нового года. Прилавки ломаются от всевозможных вкусностей. Слюни текут в три ручья, желудочный сок вырабатывается в усиленном режиме. Стараясь не смотреть по сторонам, я бодро прошагала к овощным рядам, туда, где торговали немногие местные крестьяне. Их товар – это все, что я могла себе позволить.

Искомая картошка продавалась по соседству с бойкой тетенькой, торгующей квашеной капустой. К ней выстроился целый хвост покупателей. Приличная на вид публика в норке и соболях терпеливо переминалась на морозе, шурша целлофановыми пакетами. В моих заиндеветых мозгах шевельнулась какая-то мысль. Несколько минут я пыталась ее идентифициро-

вать, а потом, не дождавшись своей очереди за картошкой, рванула в павильон и на все деньги накупила капусты с морковкой.

Так моя жизнь круто изменилась.

Дело в том, что тетка – та самая, что взяла меня на воспитание, – была очень экономной. Соленья – варенья мы потребляли исключительно ее собственного приготовления. С июня по октябрь она только и делала, что закручивала бесчисленные банки со всем, что в тот или иной момент произрастало в огороде – а хозяйство у нее было огромное. Кое-что передалось и мне. Не то, чтобы я специально запоминала – лет мне было всего-ничего, – но месяц за месяцем процесс невольно отложился в голове и сейчас, через столько лет, я без труда смогла воспроизвести его на собственной кухне.

Наверное, у меня оказалась легкая рука, так как почти сразу на мои соленья нашлись постоянные покупатели. Голод мне больше не грозил. Капусту раскупали быстро, платили, не скупясь. Косящие недобрым глазом старушки-конкурентки скоро ко мне привыкли. И я, наконец, смогла себе купить новые зимние сапоги.

Как-то раз, уже в начале весны я, как обычно, разложила свой товар на самодельном прилавке. Подтянулись покупатели, день потек своим чередом.

В самый разгар торговли я услышала голос, который почему-то привлек мое внимание. Мужчина разговаривал по мобильнику:

– Что с тобой, моя кисонька? – встревожено вопрошал хорошо одетый мужчина невзрачной наружности – Не бойся, никто не собирается морить тебя голодом. Сейчас приготовим яичницу.

Яичница по телефону? Это что-то новенькое. Я наострила уши.

– Согласен, милая, тебе незачем этому учиться, – засюскал тем временем дядечка. – Просто слушай и делай, как я скажу. Возьми мисочку... Где мисочка? На сушилке... Сушилка на кухне... Кухня? Это справа от гостиной. Нашла? Умница. Возьми яйца... Как – где? В холодильнике. Он – у окна. Белый такой, высокий, четырехугольный. На нем «Шарп» написано. Да-да, точно так же, как на твоём плеере... Нашла? Молодец. Возьми три яйца... Я понимаю, что тебе это много, но там еще Наташа. Ей нужно позавтракать... Возьми яйца и разбей в миску, моя хорошая... Что?! Что тебя испугало? Подумаешь, яйцо разбить! Ничего страшного. Разбила... Ай да кисонька, ай да умничка! Скорлупу брось в мусорный ящик... Извини, дорогая! Дернуло же меня за язык! Ты – и мусорный ящик! Брось скорлупу на стол, я потом уберу... Разбила яйца? Все три? Просто нет слов! Теперь посоли... Сколько сыпать? Щепотку... Что такое щепотка? Ну, размером с твой ноготок... Посолила? Отлично. Теперь подойди к газовой плите и зажги ее... ну и что из того, что никогда не зажигала?.. Что ты, зайка моя, если бы это было опасно, я бы тебе не предложил. Ну же, смелей!.. Ну, молодец, ну не ожидал! Теперь ставь сковороду на огонь... Она такая круглая, черного цвета, с деревянной ручкой. Поставила?.. Нет, еще не все. Теперь возьми в холодильнике масло, отрежь кусочек размером с твой французский флакончик от лака и брось в сковороду... Почему я мерзкий тип? Испугалась?.. Такую большую девочку испугало шипенье сковородки? Не может быть... ну хорошо, успокойся... Ты права, я должен был сперва сам зашипеть, но... Ты права, у меня каменное сердце, но... Согласен, я псих ненормальный, с сегодняшнего дня ты не хочешь иметь со мной ничего общего, но...

Мужчина уставился на отчаянно пищущий телефон. Очевидно, на том конце бросили трубку. Мужчина был откровенно некрасив. Даже, я бы сказала, уродлив: прыщавое, на удивление несимметричное лицо, глазки маленькие, как арбузные семечки, да еще косящие. Жидкие волосенки словно приклеены на костлявый череп. Ростом тоже не вышел, узок в плечах, а вот брюшко уже солидное. В какой-то момент наши глаза встретились, и я невольно улыбнулась ему с сочувствием.

– Вот попробуйте капустку. Вкусная, хрустящая. Сплошные витамины. – по инерции завела я.

Мужчина машинально взял с протянутой ложки горсть капусты и отправил в рот. Очередь следила за ним с интересом. Наконец, он прожевал, проглотил, и лицо его разгладилось. Теперь он выглядел почти счастливым. Я не понимала, что происходит. Поэтому спросила осторожно:

– Брать будете?

– Обязательно! Кило, нет, два! Только скажите, вы готовить умеете? – огорошил он меня вопросом.

– Естественно, – растерялась я, привычно зачерпнула полный черпак капусты, сунула ее в пакет, плюхнула пакет на весы, все время чувствуя странное беспокойство. Сумасшедший какой-то. Мне вдруг захотелось, чтобы этот мужчина поскорее ушел, а еще лучше – вообще не появлялся в моей жизни.

Должно быть, то была моя интуиция.

– А знаете что? – спросил незнакомец, протягивая мне деньги в обмен на увесистый пакет с квашеной капустой, – Идите ко мне работать!

– Кем?

– Как кем? Поваром!

Очевидно, на моем лице не отразилось восторга, потому что он вдруг забеспокоился, полез во внутренний карман за ручкой и блокнотом, что-то быстро написал на вырванном листке и сунул мне в руку:

– Вот, возьмите. Там сумма зарплаты и телефон. Если надумаете – позвоните. – Он быстро зашагал к оставленной у обочины иномарке. На ходу обернулся и крикнул: – Только не думайте слишком долго!

Глава 3

Я долго не могла решиться нажать на звонок – стояла, как дура, и рассматривала круглую блестящую кнопку, пока откуда-то сбоку, кажется, из окна не раздался сочный баритон:

– Барышня, вы войдете когда-нибудь или нет? Я подарю вам этот звонок, если его вид вызывает у вас такой интерес.

Дверь тут же открылась, и я вошла, все еще робея. Странный хозяин – тот самый, с рынка, – с порога объявил мне, что берет на работу. Никаких традиционных вопросов о прошлом, рекомендаций и справок. Только черкнул по мне крест-накрест острым взглядом и заявил:

– Вы мне подходите. Розалия Львовна, объясните Кате ее обязанности.

И вот я сижу на старинном стуле резного дерева перед женщиной лет шестидесяти в неприятной клетчатой юбке и строгом обуженном жакете и пытаюсь понять: она привыкла так одеваться или одежда просто не казалась ей достойным внимания объектом самовыражения? Больше всего меня смущала явно накладная коса на гладко зачесанных волосах, рождающая смутные ассоциации с незалежной Украиной. Кожа под макияжем Розалии Львовны казалась примятой, а слегка выцветшие голубые глаза смотрели холодно.

В дом к Игорю Владимировичу Сальникову я попала только в начале мая. К тому времени мой собственный маленький бизнес пошел на спад, не выдержав конкуренции со свежей парниковой редиской и ранними овощами. По неизвестной мне причине место кухарки в доме Сальниковых до сих пор оставалось вакантным, а сам он проявил завидную настойчивость. Видать, кулинарные инструкции по телефону вконец его доконали.

Опыт работы прислугой у меня отсутствовал, но, несмотря на Алкины вопли о том, что я качусь по наклонной плоскости, я согласилась попробовать. Какая-то часть меня активно протестовала против подобного решения, зато другая сгорала от любопытства: уж очень хотелось взглянуть на загадочную неумеху, которую боготворил мой случайный знакомый. Моя личность как бы раздвоилась. При этом худшая – любопытная – половина пинками выгнала с поля боя лучшую, оставив его целиком за собой.

Встреча с Розалией Львовной заставила меня усомниться в том, что победил сильнейший. При знакомстве она протянула мне руку царственным жестом. Пришлось пожать ее. Рука оказалась влажная и тяжелая, холодная, как у покойника.

Похоже, что у Розалии я тоже не вызвала положительных эмоций, но она отлично владела собой. В отличие от меня. Ее манера смотреть в рот собеседнику и отвечать на вопросы резким, скрипучим, как у говорящего попугая, голосом раздражала меня ровно до тех пор, пока я не поняла: старушка попросту туга на ухо.

Наконец, попытка закончилась, и меня торжественно препроводили на мое рабочее место. То есть – на огромную современную кухню, напичканную электроникой. Вопреки ожиданиям, инструктаж оказался кратким. Мне было приказано подать обед на пять персон к двум часам, после чего пожилая дама величественно удалилась.

К счастью, задача мне предстояла не слишком сложная. Обитатели дома предпочитали простую русскую кухню, а холодильник был забит самыми свежими продуктами. Машинально нарезая овощи для супа, я пыталась оценить последствия авантюры, в которую ввязалась. Почему-то на душе было тревожно. Меня не покидало чувство, что только что я совершила непоправимую глупость. Пытаясь понять, в чем подвох, я раз за разом прокручивала в голове разговор с Розалией Львовной (хотя это был скорее монолог). Самым неприятным казался тот факт, что жить весь месяц испытательного срока мне предстояло в доме Сальниковых, так как располагался он в шестидесяти километрах от города, в зеленой зоне, короче, не наездишься. Готовить завтрак, обед и ужин, как я уже сказала, мне было не в напряг. Продукты по списку

доставлял шофер. Наличие гостей предполагало дополнительную оплату, что не могло не радовать. Вот, собственно, и все.

Так почему у меня на душе кошки скребут?

К двум часам обед был готов. С некоторым трепетом я взяла фарфоровую супницу и направилась столовую. Несмотря на то, что дом показался мне огромным, из прислуги, кроме меня, здесь имелась только горничная, которую я видела мельком. Поэтому подавать обед предстояло мне самой.

Глубоко вдохнув, я толкнула двустворчатые двери и вошла в комнату. За длинным полированным столом сидели пятеро. Двое из них были мне знакомы. Разливая суп по тарелкам, я попыталась рассмотреть остальных. Прежде всего, мое внимание привлекла девочка лет десяти – тощая маленькая вертушка с большим ртом и прямыми каштановыми волосами, завязанными в два хвоста, улучив момент, она показала мне язык и скорчила зверскую рожу. Сидящая напротив женщина сделала вид, что ничего не заметила.

На глазок женщине можно было дать около тридцати лет. Похоже, она вовсе не хотела, чтобы ее замечали, так как была из породы прирожденных слушателей. Ее волосы слегка вились над ушами. Бледное лицо, нос и рот чуть широковаты. Одежду на ней Алка назвала бы одеждой для путешествий. При этом выглядела одежда так, будто путешествовали в ней довольно много. Исчезла былая свежесть материала, который когда-то стоил дорого. Не обращая ни на кого внимания, женщина сосредоточенно выцеживала из борща бульон, строго следя, чтобы в ложку не попал ни единый кусочек овощей. Если это происходило, содержимое ложки выливалось обратно в тарелку, и процесс начинался заново.

Третьей за столом также была женщина, смотревшаяся на общем фоне как роллс-ройс, по ошибке заруливший в трамвайное депо. Не старше двадцати, высокая блондинка с прекрасной фигурой и капризным выражением на красивом лице, она хорошо знала себе цену. Сальников смотрел на нее с обожанием, остальные – с затаенной ненавистью. Ее, похоже, не волновало ни первое, ни второе. На меня она едва взглянула, да и то лишь тогда, когда я чуть не опрокинула на нее блюдо с тушеным кроликом. Поверьте, я сделала это не специально.

Несмотря на тотальное преображение, я почти сразу узнала сидящую по правую руку от хозяина дома девушку. Передо мной была... Карина. Теперь она выглядела иначе, просто чертовски была не похожа на ту, какой я видела ее в первый раз. Нелепые дреды сменили тщательно уложенные волнами короткие волосы, вместо дешевых лохмотьев с претензией на авангард и голого пупка на ней было скромное белое платье, наглухо закрытое, с широкими приборокренными рукавами. Ни грамма косметики на лице. Карина выглядела как сама невинность.

Столь тотальное преображение повергло меня во временный шок. Может быть поэтому, я пропустила момент, когда Карина ловко уронила под стол чайную ложечку и устала на меня, слегка выгнув бровь. Она явно ожидала, что я полезу под стол и достану злосчастный прибор. Остальные выжидали. Краска бросилась мне в лицо. Не будь за столом Карины, я бы подняла ложку без размышлений: назвался груздем – полезай в кузов, а я с сегодняшнего дня назвалась кухаркой со всеми вытекающими последствиями. Однако этот вызывающий взгляд словно пригвоздил меня к месту. Я понимала, что девица сделала это специально и с трудом поборолла желание немедленно послать и работу и Сальникова ко всем чертям. В своем форменном костюме и тяжелых туфлях я чувствовала себя неуклюжей и просто смешной.

– В чем дело? – проскрипела Розалия. – Что вы застыли, милочка? Поднимите ложку и принесите чистый прибор.

Прикусив губу до крови, я полезла под стол. Ложка лежала у самых ног Карины. Когда я потянулась, чтобы ее взять, аккуратная туфелька чуть приподнялась, и острый каблук вонзился мне в руку. Я дернулась и тут же услышала тихий шепот возле самого своего уха:

– Вякнешь – убью.

Почувствовав, что давление туфли ослабло, я выскочила из-под скатерти как ошпаренная. Карина сидела на своем месте и улыбалась с самым невинным видом. За столом никто не обратил внимания на маленький инцидент.

Прежде чем я успела выбрать между тем, чтобы вцепиться Карине в тщательно уложенную шевелюру или вылить ей на голову суп, она нежно промурлыкала, обращаясь к Игорю Владимировичу:

– Мне пришла в голову блестящая идея! – ее мурлыканье звучало с воодушевлением. – Почему бы нам не собрать корзинку всяких вкусностей и не отправиться на пикник?

– Тебе этого действительно хочется? – спросил Сальников без энтузиазма.

– О, да! Да! – Карина захлопала в ладоши, потом обвила руками его шею.

Сидящая напротив женщина поморщилась. Старуха поджала губы. Плечи девчонки, уткнувшейся носом в тарелку, подозрительно вздрагивали. По-моему, она смеялась.

– И вот еще что, дорогой, – проворковала Карина, чуть-чуть отстранившись, – Мы поедем на твоей машине.

– Почему?

– Потому что нам обязательно попадет плохая дорога, будет трясти, и я вся буду в синяках, если поеду на своей машинке. Синяки на моей коже появляются очень легко, – добавила она игриво, не смущаясь того, что за столом находится ребенок. Сальников подхватил игру:

– Ну-ка, покажи, где у тебя появляются синяки?

– После обеда. Хотя ты и так знаешь, где они появляются, – пообещала Карина – А ты что встала? – прикрикнула она на меня. – Отойди от окна. Твои чересчур пышные формы заслоняют мне вид. И вообще, отправляйся на кухню и собери нам ланч для пикника! Запомни: ничего жирного и острого!

Я подавила желание немедленно организовать здесь бои без правил, ввиду морального превосходства противника. Оставалось утешаться тем, что перевес временный.

В кухне обнаружилась горничная – цветущая упитанная девушка лет двадцати пяти, немного слишком румяная, что, впрочем, ее не портило. Она сидела за столом и прихлебывала чай из большой кружки с Микки Маусом.

– Привет! – поздоровалась она так, словно мы были знакомы уже лет сто, – меня Люся зовут.

– А я...

– Катя, я знаю. Ну, как тебе наша семейка Адамс? – спросила она со смешком.

– Я еще до конца не разобралась, – ответила я дипломатично, доставая из холодильника сыр и ветчину, чтобы сделать сэндвичи.

– Да брось. С первого взгляда все ясно, – отмахнулась девушка. – Извращенцы. У Владимировича бес в ребро, а его жена делает вид, что так и надо. И старуха туда же. От нее я не ожидала.

– Жена? Ты о ком?

– О Таньке. О ком же еще? Ты что, не заметила ту, что с постной рожей?

– Она его жена?! А Карина тогда кто?

– Эта шалава? Невеста. Не помню, какая по счету. Сколько их тут перебивало – мама не горюй! Но эта ушлая оказалась. В два счета скрутила старикана. Танька с матерью пикнуть не успели. И поделом. Они обе с приветом.

Я чуть не выронила нож, которым нарезала свежий батон.

– погоди, ты меня совсем запутала. Если Татьяна – жена Сальникова, то почему она все это терпит?

– Говорю же – повернутая. Вот до чего образование доводит, моя матушка всегда говорила: «Меньше знаешь, крепче спишь».

– Ну, поговорка не совсем про это... – машинально ответила я, укладывая сэндвичи с ветчиной и сыром в специальную корзинку, высланную изнутри чистой хлопковой тканью в пасторальную бело-синюю клеточку.

– Про это самое. Ты им еще курицу холодную сунь, со вчерашнего обеда осталась.

Я послушно достала из холодильника половину вареного цыпленка, завернула в пленку и пристроила его рядом с сэндвичами. Люся продолжала самозабвенно болтать.

– Танька вон ученая, вся в каких-то степенях, лекции по философии читает, а собственного мужика в ЗАГС отвести не удосужилась. И ведь ребенка с ним прижила! Вообще-то, я его понимаю. Кто ж с такой занудой жить захочет? Ты к ней в комнату зайди: все книги по алфавиту разложены, в картотеку записаны. Дай ей волю, она бы их все обрезала, чтоб одного формата были. А одежда в шкафу? Она у ней вся развешена по цвету. Как в магазине! А как она ест? Все по отдельности! Сначала гарнир, потом котлету, а уж затем остальное.

Я кивнула, вспомнив, как Татьяна возилась с борщом. Но спросила я о другом:

– Ты сказала, что они не были в ЗАГСе. А как же девочка? Она ведь дочь Игоря Владимировича?

– Ну, девчонку-то он сразу на себя записал, – скривилась Люся. – Хоть в этом порядочный оказался. И что? Наличие дочки не мешает ему баб менять, как пер...

Люся поперхнулась чаем и вытаращила глаза. Я обернулась. В кухню впорхнула Карина. Искося зыркнув в мою сторону, она схватила корзину со стола и, не сказав ни слова, удалилась.

– Вот задрыга, – сказала Люся с чувством. – Послал же бог на нашу голову.

– Если все так плохо, почему тогда Татьяна не уйдет? – искренне удивилась я.

– Ха! Уйдет она, как же! Что она, сама себе враг? Кроме того, что-то у нее в голове перемкнуло, и она зациклилась, что люди должны быть свободны от обязательств. Даже книжку про это написала. Только странная какая-то свобода получается: он по бабам ходит, домой их водит, типа, с женой знакомить, а она продолжает твердить, что «абсолютно счастлива» и что у них «идеальное супружество нового типа». Один раз, правда, не выдержала, закатила ему сцену. При мне дело было. Так он посмотрел на нее так презрительно, пригладил свои три волосины и говорит: «Уж не самая ли обыкновенная ты самка, моя дорогая?» Танька сразу заткнулась. Знаешь, – Люся вдруг понизила голос, – по-моему, ей просто идти некуда...

– А чем Сальников занимается?

– Кто его разберет? Дом, сама видишь, какой отгрохал, денег – лом. А откуда средства – понятия не имею. На службу с девяти до пяти он точно не ходит. Коллекционер он.

– И что коллекционирует? – Я заинтересовалась.

– Да все подряд. – Сказала она как-то неуверенно. Мне почему-то показалось, что Люся что-то недоговаривает, но расспросить ее я не успела. В кухню ворвалась Наташа и сходу потребовала:

– Налей мне чаю!

– Сама налей, – спокойно ответила я. – Чайник только что вскипел.

Люся посмотрела на меня одобрительно, а вот Наташа мгновенно вспыхнула:

– Ты что себе позволяешь?! – завизжала она. – **НЕМЕДЛЕННО! ДАЙ! МНЕ! ЧАЙ!**

Я даже не повернулась в ее сторону.

– Не хочешь работать? Убирайся тогда! Совсем обленились! – вопила девчонка, явно повторяя чьи-то слова.

Неожиданно она смолкла. Я услышала, как открылась дверца шкафа. Звякнула чашка о край стола. За спиной что-то прошуршало, раздался звук льющейся воды.

Я не ожидала такой легкой победы и, обернувшись, почувствовав неладное, но было поздно. Под Люсин крик «Да что ж ты делаешь, зараза!» я увидела, как падает наполненная крутым кипятком чашка. Вода, пар осколки полетели во все стороны. Мне повезло, большая часть воды попала на туфли, но все равно было очень больно.

Лицо Наташи исказилось, глаза стали круглыми. Она попятилась, потом круто развернулась и выбежала. Люся погрозила ей вслед кулаком и, причитая, бросилась ко мне.

– Святые угодники, Катя! Тебе больно?

– Терпимо. – Я выдавила из себя улыбку.

– Ну, все, сейчас я ее выпорю, – прорычала горничная.

– Погоди!

Куда там! Люси и след простыл. Прихрамывая, я поплелась следом, ориентируясь на топот ее ног и сердитые вопли.

Дом как будто вымер. Пока я пересекала большую гостиную и карабкалась по лестнице на второй этаж, мне не встретилось ни единой живой души. Я понимала, Сальников с Кариной уехали на пикник, но оставались еще мать и бабушка девочки. И если Розалия была глуха как пень, то Татьяна не могла не слышать криков. Тем не менее, она так и не появилась.

Глава 4

Люся, самозабвенно ругаясь, барабанила кулаками в дверь, за которой забаррикадировалась маленькая безобразница, когда я, пыхтя и отдуваясь, вползла на второй этаж.

– Открой немедленно, негодница! – орала она, дергая бронзовую ручку.

Из запертой изнутри комнаты не доносилось ни звука. Люся продолжала неистовствовать.

– Отопри! Ты меня слышишь?!

– Люся, может оставить ее в покое?

– Ну, уж нет! – прорычала горничная. – Девчонка совсем оборзела!

– Давай, я попробую.

– Ты? Ну, рискни. – Люся усмехнулась, и мне снова стало не по себе. Как будто она знала что-то такое, что мне не понравилось бы. Но отступить было поздно.

Я положила руку на полированную дверь и сказала негромко:

– Наташа, это Катя. Открой, пожалуйста. Я не сержусь. Давай просто поговорим.

Бум! Что-то тяжелое ударило в дверь с такой силой, что я отпрыгнула. Удар повторился. Потом еще раз. Дверь сотрясалась, словно сама по себе, и в этом было что-то жуткое. Я испуганно посмотрела на Люсю.

– На дверь кидается, истеричка проклятая, – шепотом пояснила она.

Мой гнев давно улетучился, уступив место недоумению. Наташа – всего лишь ребенок. Зброшенный, никому не нужный, ни похотливому отцу, ни равнодушной, поглощенной своими переживаниями матери.

– Наташа!

Ба-бах!

– Убирайтесь! – донеслось из-за двери. – Я нечаянно уронила чашку, и отстаньте все от меня!

В голосе маленькой девочки было столько ярости, что мне стало страшно, но я заставила себя собраться.

– Послушай, – обратилась я к Люсе тихим шепотом, – от этой двери есть запасной ключ?

– Ты хочешь туда войти?

Я кивнула.

– Не советую.

– Ключ принеси.

Горничная покачала головой, но сходила и принесла ключ от детской. Когда она отдавала его мне, я почувствовала, что ее ладонь влажная от пота. Люся боялась. Я попыталась поймать ее взгляд, но Люся на меня не смотрела.

Ключ лязгнул, когда его вставили в замочную скважину.

– Предупреждаю, если войдете, я выцарапаю вам глаза! – заверещала Наташа и в этот раз я ей поверила.

Но дверь уже подалась. Не думая о последствиях, я вошла в комнату. Наташа не набросилась на меня, как можно было предположить, она метнулась в противоположный угол комнаты и сжалась в комок, яростно сверкая глазами.

«Ничего страшного, – подумала я, осторожно оглядывая детскую спальню. – Обыкновенная маленькая девочка. Только очень злая. И несчастная».

Наташа молчала и не двигалась.

Я присела на край кровати, пытаюсь понять, что так беспокоит меня в этой комнате. На первый взгляд это была обычная детская. Удобная кровать, веселые обои на стенах, письменный стол с компьютером, книжные полки и мягкий розовый ковер на полу.

И полное отсутствие игрушек.

Ни единой куклы, ни одного самого заваливающего плюшевого мишки. Никого! А ведь девочке вряд ли исполнилось больше десяти лет.

– Почему у тебя нет игрушек? – спросила я с искренним удивлением.

– Я уже не маленькая, – процедила девочка с презрением. Но я уловила в ее голосе еще кое-что. Это был страх.

Поддавшись внезапно нахлынувшей жалости, я поднялась со своего места, решительно подошла к Наташе и попыталась погладить ее по голове. Она увернулась и бросилась навзничь, изо всех сил колотя по полу руками и ногами. Лицо ее побагровело и сильно дергалось, глаза остекленели. Я слышала ее прерывистое дыхание и не знала, как поступить. Стоять и смотреть, как девочка бьется в припадке, было выше моих сил, но и позвать на помощь я не решалась. Что-то подсказывало мне, что это не поможет.

Пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос звучал ровно:

– Наташа!

Девочка как будто не слышала.

Я наклонилась и протянула руку. Наташа оскалилась, словно собиралась меня укусить, но вдруг лицо ее разгладилось, в глазах мелькнуло удивление.

– Откуда у тебя шрам? – спросила она нормальным голосом.

– Это у меня с детства, – испытывая неловкость, я поскорее одернула рукав, чтобы скрыть довольно уродливый шрам на запястье. Но Наташа перехватила мою руку. Ее пальцы были ледяными, но в движении не было больше агрессии. Она разглядывала шрам с интересом.

– Большой какой, – проговорила она с уважением. – Что случилось?

– Не помню, – честно ответила я. – Наверное, упала.

В глазах Наташи появилось недоверие, а я попыталась перевести разговор на другую тему. Возле окна я заметила мольберт с приколотым на нем чистым листом. Рядом на широком подоконнике лежала палитра и разбросанные кисти.

– Ты любишь рисовать? – Наташа снова насторожилась, но я сделала вид, что не заметила. – Покажи мне свои рисунки, пожалуйста.

– Тебя не интересуют мои рисунки, – отрезала девочка. – Ты только притворяешься, что тебе интересно.

– Но мне действительно интересно. Честное слово.

Я протянула руку ладонью вверх. Несколько секунд Наташа сверлила меня взглядом, потом пожала плечами, привстала, потянулась и достала из-за батареи большую папку с тесемками. Тесемки размахрились. Было понятно, что папкой часто пользуются. Она была так набита рисунками, что ее кожаное брюхо трещало по швам. Я развязала тесемки и достала первый рисунок.

Наташа оказалась очень талантливой. Я с искренним интересом рассматривала пейзажи и портреты, легко узнавая нарисованное. Вот вид из окна этой комнаты. А это пруд в центре парка, окруженный цветущими розами. Сейчас для роз еще слишком рано, значит, Наташа рисовала это прошлым летом.

– Какая прелесть! Как это у тебя получается?

– Не знаю, – засмушалась девочка. – Я просто рисую то, что вижу.

Она придвинулась ближе ко мне, но я сделала вид, что не заметила, продолжая разглядывать прекрасно выполненные акварели. И вдруг вздрогнула. Большой лист чуть не выпал из моей руки.

Картина слегка напоминала знаменитое полотно «Княжна Тараканова в темнице», но я сразу узнала изображенного на портрете человека. Это была Карина. Ее красивое лицо было тщательно прорисовано и от этого мне становилось еще более жутко. Потому что Карина на рисунке была мертвая. Ее тело, растерзанное и изуродованное, пожирали крысы. Их волосатые

мордочки были испачканы в крови, глазки-бусинки горели, как раскаленные уголья. Карина лежала на цементном полу, в каком-то мрачном, темном маленьком помещении с серыми, как будто отсыревшими стенами.

Стараясь не смотреть на Наташу, я отложила рисунок в сторону. Но следующий оказался еще хуже. На нем художница изобразила отца с сидящей у него на коленях маленькой девочкой. На первый взгляд все выглядело безобидно, но, присмотревшись, я поняла, что девочка в нарядном платье острыми зубами выгрызала у него из груди сердце. Мне пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы досмотреть альбом до конца. Там были почти все члены семьи и еще парочка незнакомых мне людей. Сюжеты не отличались разнообразием. На всех рисунках присутствовала смерть в том или ином виде. У девочки явно было больное воображение.

Когда рисунки закончились, пришло время посмотреть Наташе в глаза. Последние пять минут она сидела тихо как мышка. Она затаилась, ожидая моей реакции. А я не знала, как поступить. Потом все же решилась:

– Почему ты все это нарисовала?

– Потому, что это правда, – пожалала плечами Наташа и отвернулась. – Они все умрут. – Девочка продолжала говорить, не глядя на меня. – Я точно знаю. И вы умрете, если не уедете отсюда.

– Что ты имеешь в виду? Кто тебе сказал такую глупость? – рассердилась я. В конце концов, какими бы отвратительными не были Наташины родители, желать им смерти было бы слишком жестоко. Тем более жестоко было внушать эту мысль ребенку. – Кто сказал тебе?! – Я повысила голос, но Наташа только сильнее втянула голову в плечи.

Мне стало стыдно. Я не имею права на нее орать. Да и не сможешь тут криком. Девочке нужен врач, причем хороший.

– Прости меня, – попросила я, легонько коснувшись ее растрепанных волос. Она кивнула, но так и не повернула головы.

Я тихо встала и вышла из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь. Теперь я знала, что надо делать. Во-первых, найти хорошего психиатра и заставить Наташиных родителей показать ему ребенка. А во-вторых, вычислить сволочь, которая внушила девочке весь этот бред. И не дай бог, это окажется Карина...

Оценить приготовленную мной на ужин запеканку было некому. Наташа поела без аппетита, а старуха и вовсе отказалась. Карина и Сальников еще не вернулись с пикника, Татьяна к ужину не вышла.

Я убрала со стола и наконец-то смогла уйти в свою комнату. За целый день мне так и не довелось ее как следует рассмотреть, времени не было. Никто не согласился бы жить здесь добровольно: пара ковриков на полу были сильно попорчены молью и выглядели так, словно их подобрали на помойке. К одной стене прижались убогая кушетка с продавленными пружинами и кресло без одного подлокотника. Двухтумбовый стол со стулом у окна и несколько крючков на стене довершали обстановку. Похоже, на прислуге здесь сильно сэкономили. Вдобавок ко всему здесь было грязно. Люся не утруждала себя уборкой. В выдвижном ящике стола я обнаружила забытый предыдущим жильцом маленький фотоальбом и кое-что по мелочи: начатый тюбик помады, расческу, круглое зеркальце и странное сооружение из двух карандашей, скрепленных крест накрест аптечной резинкой. Повертев в руках самодельный крест, я отложила его к остальным мелочам, собираясь завтра утром передать их Люсе. Фотоальбом поначалу меня не слишком заинтересовал, я открыла его из чистого любопытства, но тут же передумала.

Столик в моей комнате стоял возле окна, выходящего в сад. Сразу за садом начиналась березовая роща. Через нее шла тропинка, которая поднималась к холму, заросшему густым лесом. Однако в тот момент живописный вид из окна интересовал меня меньше всего, все мое внимание занимали фотографии в альбоме. Их было всего четыре. На всех я увидела одно то же лицо кареглазой девушки с шапкой каштановых кудрей. Девушка улыбалась в камеру,

а перед моими глазами стояло совсем другое лицо: бледное, с искривленным ртом и горестным надломом бровей. И все же сходство было поразительным. Эту девушку я видела совсем недавно, на одном из страшных рисунков Наташи.

Я еще раз внимательно просмотрела фото, не в силах представить эту хохотушку мертвой, настолько в ней бурлила жизненная энергия. На всех снимках девушка была одна, только на одном, позади, угадывалось очертание человеческой фигуры. Рассмотреть черты лица попавшего в кадр человека я не смогла – он был слишком далеко, но, судя по всему, это был ребенок, девочка. Девочка как девочка, даже не знаю, почему я обратила на нее свое внимание.

В отличие от прочего, на часы хозяева не поспешили. Их в моей комнате было сразу две штуки. Вместо привычного бодрого тиканья те и другие издавали какой-то шелест. Этот звук вдруг показался мне ужасно назойливым. Стало душно. Я подошла к окну, чтобы впустить в комнату немного свежего воздуха и замерла, забыв убрать руку с оконной рамы.

Во дворе, возле толстого старого вяза, стояла маленькая девочка. В сумерках ее лицо было плохо различимо, но смотрела она прямо на меня.

В первый момент я инстинктивно отпрянула от окна, как будто меня застигли за чем-то непозволительным, но тут же спохватилась, устыдившись собственной трусости. Я заставила себя снова выглянуть во двор и даже приветливо помахала рукой незнакомой малышке. Девчушка тут же застеснялась и спряталась за толстый ствол. Я подождала немного, но она так больше и не появилась. Наверное, убежала домой.

Неприятные ощущения растаяли без следа, возможно, от свежего воздуха. Появление незнакомой девочки натолкнуло меня на отличную идею: я решила разузнать о ней и при случае познакомить с ней Наташу. Общество сверстников для нее – лучшее лекарство.

В то, что Наташа – чудовище, я верить категорически отказывалась.

Глава 5

Следующее утро началось со скандала.

Сальников смотался куда-то еще до завтрака и вернулся в сопровождении двух грузчиков. Дюжие молодцы, отдуваясь, втащили в гостиную внушительных размеров старинные часы: громоздкий корпус, похожий на черный гроб, весь в резьбе, шишечках и набалдашниках. На белом фарфоровом циферблате – золотые стрелки и золотые римские цифры. На самом верху – потайная дверца, едва заметная среди серебряных завитушек.

Хозяин в необыкновенном возбуждении вертелся вокруг часов, оглаживал со всех сторон, приговаривая:

– Поставим их здесь? Нет, здесь. Там слишком сухо, а тут чересчур темный угол, их совсем не будет видно.

Татьяна с раздражением следила за пируэтами мужа, ядовито усмехаясь, и, наконец, выпалила:

– Может, посадишь их за стол и угостишь завтраком?

– И посажу! – Взвился Игорь Владимирович.

– Ну да, они ведь такие прекрасные! – съязвила Татьяна.

– Да уж не тебе чета! И вообще, ты меня достала! Не могу больше слышать твое нытье и видеть твои протершиеся на локтях кофточки! Я богат, почему ты не можешь одеваться так, чтобы радовать глаз? Почему ты не сменишь свою дурацкую прическу? Ты так отвратительно выглядишь, что тебя хочется обернуть бумагой и нарисовать заново!

Вообще-то хозяин преувеличивал. Татьяна выглядела вовсе не так плохо, но ему видимо попала вожжа под хвост.

Плотно сжав губы, женщина поднялась из-за стола. Я испугалась, что она сейчас устроит истерику, но она заговорила довольно ровным голосом:

– Можешь развлекаться со своими игрушками, сколько влезет. – Выразительным взглядом она дала понять, кого конкретно имеет в виду.

– И займись! А что ты имеешь против?

– Ничего, но пока еще я твоя жена.

– Уже нет! – отрубил Игорь Владимирович. – Через неделю я женюсь на Карине.

– Быстро вы договорились, – процедила Татьяна, глядя в бесстыжие глаза соперницы. – Сочувствую.

Карина прищурилась:

– Взаимно. Жаль, что ты так и не научила его заниматься любовью. С ним в постели ну до того скучно, что начинаешь мух на потолке считать.

Выпад Карины задел не столько Татьяну, сколько самолюбие Сальникова. Вовремя вспомнив о том, что за столом присутствует его дочь, он попросил невесту выбирать выражения. Бедная Наташа! Она с такой силой сжала ложку, что побелели костяшки пальцев, но на лице ее было написано «Подумаешь! А мне плевать!».

Зато Карина пошла вразнос. Она капризно надула губы и широким жестом смахнула со скатерти все, до чего смогла дотянуться. Одна тарелка шлепнулась прямоком на колени свежеиспеченного жениха.

– Дура! – заорал он, вскакивая с места и судорожно отряхивая с брюк ошметки овсянки, сваренной мной по всем правилам диетологии. – Твое место в овощной лавке! Ты дождешься, что мы с Татьяной выгоним тебя к чертовой матери!

Дальше произошло совсем уж невероятное. Карина вдруг по-детски захлопала глазами и ...бросилась к своей сопернице! Я подалась вперед, думая, что девица набросится на Татьяну

с кулаками, но рыдающая Карина уткнулась ей в плечо, а та зашептала в ответ что-то утешительное, глядя девушку по волосам.

В этот момент маленькая дверка, расположенная прямо над циферблатом новых часов распахнулась, оттуда выпрыгнула на редкость уродливая птица и гаркнула:

– Ку-ку!

«Полное ку-ку», – согласилась я с кукушкой.

– Отомрите, милочка, – прокаркала Розалия Львовна. – Немедленно уберите безобразие! – Сказано это было таким тоном, словно безобразие устроила я лично, но спорить в данный момент у меня не было никакого желания.

Похоже, Люся не преувеличивала, описывая веселое семейство. Закончив с уборкой, я застала ее на кухне в обнимку с любимым поллитровым бокалом. Чай в кружке был настолько горячим, что физиономия Людмилы тонула в клубах пара.

– Они там друг друга еще не поубивали? – лениво поинтересовалась она.

– Нет, но уже близки к этому. Слушай, – вспомнила я о вчерашних планах, – а кто жил до меня в комнате?

– Сонька жила, – ответила Люся, не задумываясь. – Бывшая повариха. – Девушка отхлебнула чай и с любопытством проследила за тем, как я достаю из кухонного шкафчика заранее спрятанный фотоальбом. – Это чего это? Дай посмотреть.

Я передала находку.

– Ой, глянь-ка! Сонька! Где взяла?

– В своей комнате. Наверное, она забыла, – ответила я осторожно.

– Это на нее похоже. Такая растеряха была. Вечно суп пересаливала.

– Так ее за это уволили?

– Не! Она сама свалила. Собрала вещички и тю-тю. – Люся рассмеялась, что-то вспоминая. – Я пришла как раз к завтраку – опоздала чуток – а они за пустым столом сидят и рожи вытянутые. Сонька, говорят, уволилась.

– То есть, с Соней все в порядке? – спросила я с облегчением.

– А что ей сделается? – искренне удивилась Люся.

– Ты с ней общалась?

– Когда в доме работала – да, а после увольнения не довелось. Подругами мы не были. Так, сплетничали, кости хозяевам перемывали.

– Так почему ты уверена, что у нее все хорошо?

Люся наморщила лоб:

– А чего? Ты на что намекаешь?

– Да ни на что, – отмахнулась я, но горничная отчего-то занервничала. Неожиданно вспомнив о своих обязанностях, Люся с сожалением отставила в сторону кружку с недопитым чаем и проворно слиняла из кухни, оставив меня в глубоких сомнениях.

С одной стороны, у меня не было оснований не доверять Люсиным словам. Любопытная вездесущая горничная наверняка проведала бы, случись с Соней что-то плохое, но, с другой стороны, она признала, что ничего не знает о сегодняшней судьбе бывшей кухарки. К тому же, я не успела спросить Люсю о незнакомой девочке, случайно попавшей в кадр. Неизвестно почему эта малышка меня беспокоила.

Словно в ответ на мои мысли из глубины донесся отчаянный вскрик другой девочки. Слов было не разобрать, но в Наташином голосе слышались боль и обида. Она с кем-то ссорилась.

Вытерев руки о фартук, я бросилась на звук, распахнула дверь гостиной и застала вполне мирную картину: Наташа сидела за столом и что-то писала, над ней возвышалась внушительная фигура Розалии Львовны, которая бдительно следила за процессом. Устыдившись своего

порыва, я уже намеревалась потихоньку улизнуть, пока меня не заметили, но тут Розалия вдруг завопила:

– Опять неправильно!

– Где? – испуганно пискнула Наташа.

Старуха ткнула пальцем в тетрадь:

– Здесь! Ты написала: «Дорога прямая»! – передразнила она. – Неуч! Олух царя небесного!

Отпихнув внучку плечом, Розалия склонилась над тетрадью. До меня долетел противный скрип.

Похоже, внучка ходила у бабушки в «идиотках».

– Второй год на бритвах учишься, – скрежетала старуха, выскребая ошибку. – Чтоб тебе эти бритвы в горло всадили! Пиши заново!

Наташа послушно зашуршала ручкой.

– Ах, чтоб тебя! – заорала бабушка через минуту, оценив результат.

– Теперь-то что не так? – со слезами в голосе, оправдывалась девочка.

– Все не так! Ты написала «прямая дорога»! Чтоб тебе прямая дорога была только в могилу!

Сжимая в кулаке бритву, как палач, старая гримза коршуном набросилась на тетрадь и опять отчаянно заскребла лезвием по бумаге. В сердцах она проскребла лист насквозь и немедленно разразилась проклятиями. Досталось и Наташе. Пара увесистых оплеух и приказ переписать всю тетрадь заново довели девочку до слез. Похоже, старуха не в первый раз превращает выполнение уроков в пытку.

К тому времени я уже еле сдерживалась от того, чтобы не накинуться с кулаками на злобную фурию. Но чего я добьюсь? Меня уволят, а старуха продолжит мучить ребенка с удвоенной силой. Я почти бегом вернулась на кухню, чтобы не видеть того, что происходит в гостиной. Однако все валилось у меня из рук. Швырнув недочищеную рыбу в мойку, я сполоснула руки, сняла фартук и, прихватив в холле сумочку, решительно вышла из дома.

Путь мне предстоял неблизкий: до ближайшего супермаркета полчаса на автобусе, но состояние Наташи все больше меня беспокоило и, похоже, кроме меня до этого никому не было дела. Я вспомнила лишенную игрушек детскую, накаленные отношения в семье и террор полоумной Наташиной бабки. Неудивительно, что девочку мучают кошмары – тут и у взрослого поедет крыша.

Обратно я вернулась около полудня, ожидая хорошей взбучки от хозяев за неприготовленный вовремя обед. Я спустилась по подъездной аллее и пересекла аккуратно подстриженную лужайку. В дом идти отчаянно не хотелось и я, как бы случайно свернула на тропинку, ведущую в сад. По обе стороны тропинки виднелись еще не засаженные цветами клумбы, но земля была тщательно перекопана, полита, а рядом уже лежала целая куча саженцев герани. Солнце все настойчивее пыталось пробиться сквозь тучи, и я зажмуривалась, когда острый луч шкелотал глаза.

Позади деревьев, в дальнем конце сада мелькнула высокая фигура. Я решила, что это возвращается садовник, чтобы закончить работу, но человек повел себя неожиданно: заметив меня, он вдруг отпрыгнул в сторону и попытался спрятаться за кустами. Я успела разглядеть лишь развевающиеся полы его просторной одежды, сильно смахивающей на домашний халат. Судя по довольно субтильному телосложению незнакомца, это никак не мог быть Игорь Владимирович, а других мужчин, разгуливающих в халате по тщательно охраняемой территории, здесь вроде бы быть не должно. Еще одна загадка.

Я немного постояла, ожидая дальнейшего развития, но больше ничего не увидела и побрела к дому.

В кухне, на холодильнике белела записка, написанная торопливым неровным почерком. С трудом разбирая скачущие во все стороны буквы, я с изумлением прочла, что на сегодня обед для членов семьи готовить не нужно. Зато к ужину будут гости.

У меня оставалось полчаса свободного времени, и я знала, как им распорядиться.

За дверью Наташиной комнаты было тихо, но, войдя, я обнаружила девочку лежащей на кровати прямо поверх покрывала. Заслышав шум моих шагов, она, было, встрепенулась, но, узнав, заметно успокоилась.

– Привет, – улыбнулась я.

Наташа смотрела на меня исподлобья, но без прежней агрессии. Это меня вдохновило. Я протянула девочке большую нарядную коробку, которую держала за спиной:

– Это тебе.

– Что это? – спросила она, не двигаясь с места.

– Посмотри сама, – предложила я и немного придвинулась. Наташа нехотя поднялась, подошла ко мне и взяла коробку. Несколько минут она разглядывала красивую куклу. Я следила за выражением ее лица, но так ничего и не увидела. Девочка будто застыла, глядя на подарок пустыми глазами.

– Тебе не нравится? – Я старалась, чтобы в моем голосе не проскользнуло разочарование. На горячую благодарность я не рассчитывала, но такое равнодушие сбивало меня с толку.

Тем временем Наташа, не проронив ни звука, неторопливо отошла от меня, шаркая о ковер подошвами тапочек, остановилась у окна, открыла пошире створку, протянула руку и разжала пальцы. Коробка с куклой камнем рухнула вниз. Наташа с интересом глянула на меня через плечо.

– Я не люблю кукол, – сказала она ровным голосом.

– Бывает, – кивнула я, понимая, что благие намерения я могу себе на зиму засолить. Слезы были уже близко, пришлось сглотнуть, чтобы отогнать их. Я повернулась, чтобы уйти.

– Папа говорит, что кукла может украсть душу, – сказала мне в спину Наташа.

– Что за глупости?! – возмутилась я и посмотрела на девочку, пытаюсь определить, не водит ли она меня за нос. Но она даже не улыбалась. – Что еще говорит твой отец?

Наташа глубоко вздохнула и с неожиданной горячностью выпалила:

– Если сильно привязаться к кукле, проводить с ней много времени, то часть твоей души перейдет в нее. Кукла становится одушевленной и похожей на тебя.

– Очень интересно! – фыркнула я. – Бред какой-то!

– Думаешь, это неправда? – В голосе Наташи мне послышалась надежда.

– Конечно, нет!

Наташа все еще сомневалась. Я подошла к ней и погладила по голове.

– А у тебя в детстве была кукла? – Тихо спросила девочка.

– Разумеется.

– А как ее звали?

– Не помню.

– Странно. Я думала, что нельзя забыть имя любимой куклы. Даже когда вырастешь.

– Понимаешь, мне часто дарили игрушки. И кукол в том числе. Поэтому я, наверное, была слишком избалованным ребенком: как только появлялась новая кукла, я тут же забывала про старую.

– Твои родители пытались откупиться от тебя игрушками, – со знанием дела сообщила девочка.

– Вовсе нет! – возмутилась я. – Они меня любили.

Наташа посмотрела на меня свысока, со смешанным чувством превосходства и жалости:

– Глупая! Родителям дети только мешают.

– Да нет же! Что за глупости?

– Я знаю. Я чувствую, что мои мама и папа – она с некоторым усилием произнесла эти два слова – не любят меня. Но я их тоже не люблю! Знаешь, о чем я мечтаю?

– О чем? – спросила я с некоторой опаской.

– О том, чтобы я могла жить одна. Ну, или с теми, с кем я сама захочу.

– Но это невозможно! Ты маленькая девочка, кто-то должен о тебе заботиться, покупать тебе одежду, еду, игрушки, наконец. Господи, что я несу, не в этом дело! Главное – тебе нужны близкие люди, которые понимают тебя, защищают, ну, и все такое...

Вы, наверное, решили, что эти слова как-то сильно подействовали на девочку? Отнюдь. Она изобразила смущение, что выразилось в скромно опущенных глазах и невинном выражении лица, будто она ничего не поняла, тогда как мысли ее были заняты совершенно другими вещами.

– Значит, если бы у меня были деньги на еду и игрушки, я смогла бы жить без них? – спросила она, наконец, заинтересованно глядя мне в глаза.

– Ну... в принципе... Да нет же! – Я откровенно растерялась.

– Ладно, забудь! – повеселела вдруг Наташа. Она ухватила меня за руку и потянула за собой: – Пойдем в парк, погуляем.

– Зачем? Уже поздно.

– Знаю, но остановить нас некому. Пошли! – потребовала Наташа. – Я иду в парк и, если хочешь за мной присматривать, лучше не отставай.

Я подчинилась, вовсе не желая, чтобы из-за моего упрямства с девочкой приключилось что-то нехорошее. Перевоспитывать ее – не моя задача, мне платят за вовремя поданный завтрак, обед и ужин, так почему мне опять кажется, что я совершила непоправимую ошибку?

Глава 6

Разговор с Наташей весь день не выходил у меня из головы. Около шести она прибежала на кухню и решительно дернула меня за рукав:

– Пойдем, я хочу тебе кое-что показать.

– Извини, скоро придут гости. Давай позже.

– Нет. Сейчас! – Девочка топнула ногой, но я не успела рассердиться, так как она протянула жалобно: – Ну, на секундочку, ну, что тебе стоит? У тебя все готово, а потом я помогу тебе накрыть на стол.

– Хорошо, – сдалась я. – Только недолго.

Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж и свернули направо. Прошли мимо кабинета, обставленного тяжелой мебелью позапрошлого века, миновали две двери, ведущие в спальни. В конце длинного коридора было окно, выходящее в сад, перед дверью слева от окна Наташа остановилась и принялась сосредоточенно рыться в кармане, то и дело беспокойно оглядываясь. Нетрудно было догадаться, что девочка заявила сюда без спроса. В этом доме меня уже ничего не удивляло, даже то, что хозяйская дочь не может ходить, где вздумается. Просто какой-то замок Синеи Бороды.

Наконец Наташа справилась с замком. Проникшись атмосферой тайны, я ожидала, что раздастся протяжный скрип, но внушительная дверь отворилась беззвучно на хорошо смазанных петлях.

Комната, куда мы вошли, казалась огромной, но, наверное, была бы еще больше, если бы не многочисленные стеллажи и витрины, занимающие все стены от пола до потолка. Наташа жалась ко мне, а я во все глаза смотрела по сторонам. Передо мной был настоящий музей.

Музей кукол...

Мой бывший хозяин – Антон Чвокин – попав сюда, свихнулся бы от переизбытка эмоций. Куклы смотрели на меня со всех сторон. Карие, голубые, зеленые глаза повсюду, неподвижные и настороженные. Середину комнаты занимала отдельная экспозиция кукольных домиков. Ничего подобного мне прежде видеть не доводилось.

Я посмотрела на Наташу. Она стояла не шелохнувшись. Девочка не побледнела и не покраснела, но мне было ясно, что она сильно испугана. Казалось, даже воздух вокруг нее наполнился страхом.

– Так вот почему ты не любишь кукол! – догадалась я. Наташа быстро закивала головой. – А зачем ты привела меня сюда?

Девочка пожала плечами. Чтобы успокоить ее, я сказала нарочито беззаботным тоном:

– А, по-моему, они совсем не страшные. Даже красивые. Посмотри!

Я взяла с полки одну игрушку – деревянную головку японской принцессы с прекрасными густыми черными волосами и огромными миндалевидными глазами. Кукла была старинная, раскрашенная вручную и явно использовалась для театра. Тела у марионетки не было, изящная головка насаживалась прямо на длинную рукоятку, из которой выступал маленький рычажок с привязанной к нему веревкой. Сколько кукловодов держало ее в руках, прежде чем она попала в этот музей? Я провела пальцами по гладкой, будто полированной, поверхности палки, выступающая часть неожиданно подалась и слегка сдвинулась вверх. Наташа вскрикнула и отпрыгнула в сторону. Я взглянула на то, что ее испугало – на головку принцессы – и невольно вздрогнула. Кукла оказалась с секретом: скрытый в поручне механизм превратил красавицу в чудовище: прекрасные глаза закатились и налились кровью, на голове выросли рожки, вместо аккуратного ротика появилась оскаленная пасть, утыканная острыми клыками.

– Ну и жуть, – не сдержалась я, поспешно возвращая куклу на место. Наташа явно вздохнула с облегчением. – Все равно это всего лишь кукла. – Попытка подбодрить девочку про-

валилась: она часто, прерывисто дышала и явно жалела о том, что пришла. Мне оставалось только гадать, с какой целью малышку так запугали? Неужто лишь для того, чтобы кроха даже думать не смела о том, чтобы зайти в эту комнату и не могла по неосторожности испортить ценные экспонаты? Для меня в данном случае цель не оправдывала средства. Психика родной дочери в любом случае дороже каких-то – пусть редких и дорогих – игрушек.

На глаза мне попала другая кукла, на вид совершенно безобидная. Пухлая малышка в нарядном кружевном платьице и плаще с капюшоном, из-под которого выбивались пышные белокурые локоны. Личико куклы было настолько умильным, что я решила показать ее Наташе. Но снова ошиблась. Едва девочка решилась взять игрушку в руки, как ее голова повернулась вокруг своей оси. Из-под капюшона выглянуло совершенно другое лицо – искаженное гримасой ужаса. Наташа – с почти таким же выражением на собственном лице – отшвырнула куклу в дальний угол и, кажется, приготовилась зареветь.

– Пойдем отсюда, – жалобно попросила она.

– Конечно милая, – рассеянно ответила я, внимательно оглядывая зал. До меня начал доходить принцип, по которому Сальников подбирал свою коллекцию. Похоже, это были не просто старинные куклы. Его интересовали необычные экземпляры. Я всерьез задумалась, все ли в порядке с головой у моего нового хозяина.

Наташа настойчиво потянула меня за руку.

– Подожди, – попросила я. – Нужно вернуть куклу на место, иначе отец догадается, что кто-то был в его музее. Если хочешь, можешь выйти отсюда и подождать снаружи.

Наташа отрицательно покачала головой, и я вдруг догадалась, что она боится пройти несколько шагов до двери одна. Я сжала ее ледяную ладошку в своей руке, и мы вместе пошли за куклой.

Девочка задурила игрушку с такой силой, что двуликий пупс отлетел в дальний, самый темный угол огромной комнаты. Сюда не доходил свет из окон, а верхнее освещение мы предусмотрительно не включали. Я нагнулась, чтобы отыскать злополучную куклу и не удержалась от судорожного вздоха, когда из темноты проступили очертания бесформенной кучи.

– Что это? – не удержалась я. Я не ожидала ответа от перепуганной девочки, но она неожиданно заговорила:

– Этих можно не бояться. Они мертвые. Видишь? – Наташа наклонилась, не выпуская моей руки, и подобрала с пола голову куклы с длинными русыми волосами. Мурашки пробежали по моему телу, когда кукла глянула на меня пустыми глазницами.

– Похоже, они скончались под пытками, – пробормотала я, глядя на обезглавленные кукольные трупы с переломанными ногами. Кто это их так?

– Папа. В них вошла душа и поэтому их пришлось уничтожить, – спокойно пояснила девочка, вертя в руках безглазую кукольную голову.

– Это папа тебе рассказал такую глупость?

– Нет, дедушка.

– Интересный у тебя был дедушка.

– Почему был? Он и сейчас есть.

– Ой, прости! А где он живет?

– Здесь.

Я с опаской покосилась на Наташу. Похоже, девочка начинает заговариваться. Смешливый ребенок правильно истолковал мой взгляд и вдруг звонко рассмеялся. В гулком зале детский смех прозвучал как-то зловеще.

– Ты такая забавная! Думаешь, я сошла с ума?

– Что ты! Мне и в голову такое не приходило, – соврала я.

– Я не сумасшедшая. Дедушка живет в своем собственном домике. Он очень старый и очень боится умереть. С ним живет медсестра, которая за ним присматривает, готовит специальную еду, дает лекарства и все такое.

– Но почему он не приходит в этот дом?

– Не хочет, наверное, – пожала плечами Наташа. – Он ни с кем не общается. Только со мной и с бабушкой иногда. Я его навещаю, но не часто. Мама не разрешает. А сам дедушка из дома почти не выходит. Только ночью, или когда его никто не видит.

Так вот кого я видела в саду. Тот мужчина в халате, который, завидев меня, бросился наутек – это Наташин дедушка! Похоже, и он тоже не в себе. Просто филиал сумасшедшего дома!

– Час от часу не легче... Ладно, пошли отсюда. – Я подхватила с пола куклу и, почти волоча за собой вяло перебирающую ногами Наташу, быстро направилась к выходу. По пути я приткнула пупса на стеллаж, мне не хотелось оставаться здесь ни секундой дольше. Но меня поджидал еще один сюрприз. Пробираясь среди витрин, я неловко задела плечом полку, конструкция пошатнулась, и на меня что-то свалилось с самого верха. Что-то тяжелое и пыльное упало к моим ногам. Не успев затормозить, я споткнулась и чуть не упала.

– Черт побери! – негромко выругалась я, потирая ушибленное колено.

– Это что-то новенькое, – прошептала Наташа. Я виновато оглянулась, устыдившись собственной грубости, но девочка смотрела не на меня, а на то, что лежало у наших ног. Что-то знакомое. Зеленое. Бархатное. Большое.

Это была она. Та самая кукла, которую я нашла на ступеньках магазина в тот день, когда лишилась работы. Этого не могло быть, но это было так. Куклу явно реставрировали: краски лица стали ярче, руки – гладкими, волосы расчесали и теперь они лежали аккуратными локонами.

Мне вдруг почудилось, будто кукла шевельнулась. Ее длинная вялая рука скрывала часть лица, но мне показалось, что кукла за нами подглядывает. Взгляд был хитрый и злобный.

Глава 7

Через три дня на моей кухне неожиданно возник Игорь Владимирович. Сказать, что после всего, что я узнала, он вызывал у меня неприязнь, значит, ничего не сказать. Многочисленные странности хозяина отдавали патологией, и потому его визит восторга у меня не вызвал. Однако правила игры ко многому обязывали, и я всем своим видом выразила готовность исполнить любые пожелания. Я все еще ожидала распоряжений касающихся предстоящего свадебного обеда, но он заговорил о другом.

– Не могли бы вы, Катя, оказать мне услугу? – начал Сальников подозрительно вкрадчиво.

– Конечно.

– Вообще-то, это не входит в круг ваших обязанностей... – Что-то он слишком долго раскачивается. Не иначе, задумал каверзу. Однако просьба на первый взгляд оказалась невинной: – Сегодня, пожалуйста, приготовьте на обед еще несколько блюд.

– Будут гости?

– Нет-нет! Это для члена семьи. – Он протянул листок. Я бросила беглый взгляд на меню, больше всего подходящее для кормления грудного младенца и удивленно подняла брови: – Кто-то заболел?

– Не совсем так, это для моего отца. У него, понимаете ли, особое питание. Диета.

Я немного растерялась, не зная, как себя вести. Вообще-то, не предполагалось, что я в курсе относительно того, что в усадьбе проживает отец хозяина. Поэтому я попыталась изобразить удивление:

– Ваш отец собирается вас навестить?

Сальников так пристально посмотрел на меня, что я тут же пожалела о своих жалких потугах превзойти Сару Бернар. Актриса из меня всегда была никудышная.

– Отец живет в домике на территории усадьбы. Он очень пожилой человек и у него свои причуды, – спокойно ответил Игорь Владимирович. – В частности, он любит уединение. Поэтому мы его не беспокоим. За отцом обычно ухаживает сиделка, но ей срочно понадобилось уехать, так что вам придется ненадолго взять на себя часть ее забот. – Сальников протянул мне ключ, который все время вертел в руках. – Вот, откроете входную дверь... Отец никого не пускает в свою спальню. Поэтому просто оставьте поднос на столике у входа, я потом пошлю Люсю убрать посуду.

Выслушав распоряжения, я ожидала, что Сальников немедленно уйдет, но он вдруг посмотрел на меня каким-то новым, особым взглядом, и неожиданно сказал:

– Вам очень идет это платье.

Краска бросилась мне в лицо. Я не вчера родилась, и могу отличить, когда в голосе мужчины появляются особые нотки, но от Сальникова ничего подобного не ожидала. К счастью, он не стал дольше задерживаться и на этот раз действительно ушел.

Вот это фокус! – думала я, прижимая холодные руки к горящим щекам. Собственно говоря, в том, что на меня обратили внимание как на женщину, не было ничего экстраординарного. Покажите мне, ради бога человека, который сказал, что все мужчины терпеть не могут толстухек и сходят с ума только от молоденьких. Покажите мне его, потому что мне есть, что ему сказать. Но заигрывания человека, у которого через три дня состоится собственная свадьба с юной особой, приведенной в дом при наличии живой жены – это за гранью моего понимания. Этот Сальников тот еще тип!

Гостевой домик находился на западной окраине участка, посреди небольшого яблоняного сада, что придавало ему слегка заброшенный, даже зловещий вид. Но не это обстоятельство повергло меня в изумление. Интуиция историка со стажем, подсказывала мне, что этот

дом имеет, как минимум, двухвековую историю. Больше того, построен он явно не в России. Как мог попасть сюда старинный европейский особняк, оставалось только догадываться. При ближайшем рассмотрении мои догадки только подтвердились – этот домик перевезли сюда из Европы, а потом заново собрали. Глобальность затеи не могла не вызвать уважения. Это ж сколько денег угрохали?

Замок открылся легко. Придерживая дверь плечом, я осторожно внесла поднос и, как было велено, поставила его на столик слева от двери. Внутри просторного, аскетически обставленного холла витал кисловатый запах, который всегда бывает у старого камня. Дубовые стропила под потолком были непривычно толстые и крепкие для того, чтобы считаться живописными. Сквозь маленькие окна едва проникал слабый свет. Спертый воздух отдавал сыростью. Здесь было так тихо и мрачно, что невольно хотелось понизить голос. Правда, мне лично говорить было не с кем.

Неожиданно над моей головой раздались осторожные шаги. Дверь открылась и снова закрылась. Слышно было, как щелкнул замок. Я с опозданием посмотрела по сторонам. На второй этаж вела старинная железная лестница, напоминающая костяк тиранозавра. Похоже, за мной подглядывали именно оттуда.

Это место мне совсем не нравилось, и я поспешила убраться из негостеприимного дома. Новое место работы напрягало все больше. Я уже всерьез подумывала о том, чтобы все бросить и подыскать что-нибудь поспокойнее. Тем более, что с воцарением в доме новой хозяйки мое положение могло только ухудшиться. Заметив каменную скамью, я решила присесть ненадолго, чтобы обдумать свое положение.

В этой части сада росли кусты боярышника, которые надежно скрывали мое убежище. Отличное место, чтобы хорошенько подумать без свидетелей.

Но сосредоточиться мне не дали. Из-за темных низких кустов донесся звонкий смех и детские голоса. В одном я без труда распознала Наташу, второй голос был мне незнаком. Обрадованная тем, что у Наташи наконец-то завелась подружка, я привстала со своего места и, стараясь не шуметь, выглянула из своего укрытия. Девочки играли в догонялки на большой круглой поляне. Заходящее солнце мягко золотило розовые кусты и густую траву.

Вторая девочка оказалась невероятно хорошенькой глазастой блондинкой, только чересчур бледной. Ее длинное батистовое платье с высокой, по последней моде, линией талии не слишком подходило для подвижных игр, но девочка лихо подхватывала его на бегу обеими руками.

Под моей ногой затрещали ветки. Незнакомка, заметив меня, вздрогнула и бросилась, было, наутек, но Наташа успела схватить ее за руку и подвела ко мне. Личико девочки покраснелось, волосы разлохматились и выбились из аккуратных хвостиков, но мне она куда больше нравилась именно такой.

– Познакомься, это Лилибет! – выпалила Наташа. Глаза ее искрились счастьем.

– Привет! – улыбнулась я новой знакомой. – Какое красивое необычное имя.

Лилибет смутилась еще больше. Она смотрела на меня во все глаза. Потом вдруг спросила:

– Почему необычное?

Я слегка опешила.

– Ну, не знаю, никогда такого не слышала...

В глазах Лилибет неожиданно блеснули слезы. Она вырвала свою руку и, ни слова не говоря, унеслась прочь, в глубину сада.

– Ну вот, ты ее расстроила, – огорчилась Наташа. – Я ее догоню.

Через несколько минут девочка вернулась.

– Ее там нет. Как сквозь землю провалилась. Не понимаю, куда она могла убежать?

– Не переживай. Твоя новая подружка еще вернется. А кто она такая?

– Не знаю. Просто девочка. Она пришла в наш сад и мы познакомились.

– А где она живет?

– Ну, ты прямо как мой отец. – Нахмурилась Наташа. – Какая разница? Так здорово, что есть с кем играть. У меня никогда не было подруг.

Я почувствовала себя виноватой. В самом деле, нельзя быть такой подозрительной, тем более, что Наташа так рада новому знакомству. В конце концов, девочки играли прямо возле дома, и с Наташей не могло случиться ничего дурного.

О посуде я вспомнила только вечером, когда за окном уже стемнело. Люся уже ушла домой, так как завтра ей полагался выходной день, и как обычно, забыла о просьбе хозяина. Придется самой тащиться в гостевой домик и забирать грязные тарелки, иначе завтра мне попадет не только от Сальникова, но и от вернувшейся сиделки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.